Не с той стороны

Алексей Кулаковский

SHOUT
SHARE
IT

- Кулаковский Алексей

Кулаковский Алексей
Не с той стороны

Алексей Николаевич Кулаковский
Не с той стороны
Рассказ
Перевод с белорусского Николая Горулева.

Когда Якуб Дробняк, инструктор райкома комсомола, пришел в деревню Грибки, в глаза ему бросилась прежде всего ободранная крыша в одном дворе. Потом вылез откуда-то худой пестрый теленок, остановился на середине улицы и уставился мутными глазами прямо на человека. Весь скот теперь на пастбище, а этот теленок стоит вот на улице. Выбежал со двора босой мальчишка в брючках с разными штанинами, ударил теленка прутиком и погнал перед собою. Прошел Дробняк дальше, - большая круглая лужа засверкала на улице. И на машинах и на подводах ее объезжают возле самого забора, мучаются, но никому не приходит в голову засыпать лужу.

Все это испортило инструктору настроение и заставило вспомнить слова, услышанные на совещании уполномоченных райкома партии. "Лентяев много в Грибковской бригаде и лежебок. Вы должны иметь это в виду. Кричать там умеют, а работать не очень".

И действительно, что это за улица, что за деревня!

В конторе Якуб Дробняк застал бригадира. Хорошо что застал, а то по важности дела пришлось бы искать его где-нибудь на поле. Договорились насчет собрания, Дробняк хотел идти уже осматривать бригаду, но вдруг заметил, что в углу комнаты два молодых парня, в куртках нараспашку, играют в шахматы. В колхозе такой прорыв, столько картофеля еще на поле, а они сидят себе тут, наверное, с самого утра. Инструктор подошел к хлопцам, чтобы сказать им об этом, постыдить лентяев, да как-то невольно обратил внимание на то, что конь белых забрался очень уж в опасное место. Захотелось узнать, что будет дальше, как белые спасут коня, как окончится вся партия. И сам не заметил, как простоял возле шахматистов час. Тем временем начинало темнеть: идти куда-нибудь уже не было смысла, скоро люди начнут сходиться на собрание.

Дробняк сел в углу у окна и стал ожидать, пока бригадир принесет лампу. В окно видно было, как по улице шли с поля овцы, суетились возле забора, обходя лужу, и сталкивали друг друга в грязь. Хозяйки с корзинками в руках и без корзин шли за

стадом: некоторые пробирались возле забора вместе с овцами, а некоторые, в сапогах и бахилах, переходили вброд. Темнело, как и всегда поздней осенью, довольно быстро: еще совсем недавно можно было отличить столбик в заборе от обычной жерди, большую корзину в руках женщины от меньшей, а теперь уже все затуманили сумерки. Инструктор глянул на шахматную доску. Хлопцы не закончили партию, ушли.

На собрание начали приходить вскоре после того, как в окнах конторы замигал свет. Одной из первых вошла небольшая ростом, но стройная и полная женщина в мужском пиджаке из черного сукна, в сером вязаном платке и в желтых бахилах. Инструктору показалось, что это она переходила недавно через лужу, но шла без корзины.

- Каждый день что-нибудь выдумают, - громко заговорила женщина, заметив у порога односельчанок. - То собрание, то совещание... Отдохнуть дома не дают.

- Тише ты, Марья, - смущенно зашептала соседка, - здесь же чужие люди!

- Ну и что, что чужие? Разве я неправду говорю?

"Ну и язычок, - подумал Дробняк. - Не отдохнула дома. А целый день что делала? На поле вроде не была".

Женщины заходили небольшими группами. Бригадная контора вскоре стала полной, и можно было начинать собрание. Инструктор даже не ожидал, что так скоро удастся собрать бригаду. Маловато, правда, было мужчин, но, может, их вообще немного в бригаде. Дробняк заметил, как показались у порога те два парня, что недавно играли в шахматы, да с ними человека три постарше. Хлопцы сразу начали пробираться к шахматной доске.

Собрание открыл бригадир и, с согласия инструктора, сам же начал доклад. Доклад этот все уже раз десять слышали. Но ведь он нужен уполномоченному, поэтому приходилось терпеливо слушать. Бригадир, человек средних лет, с двумя рыжеватыми кудряшками надо лбом, во время доклада то наклонялся к настольной лампе, то отклонялся. Наклонившись, он прочитывал на замасленном листке бумаги разные цифры, отклонившись, говорил по памяти. Из доклада было непонятно, как шли дела в бригаде: желаете сделать вывод, что тут все хорошо, - пожалуйста, желаете убедиться, что тут все плохо, - можно было услышать факты и такие.

Хлопцы, между тем, устроились в том же уголке, спрятались за чужими спинами и тихонько начали расставлять шахматы. Инструктор видел это, но не очень возмущался: на таком докладе только и играть в шахматы. Он недовольно пошевелился и, когда бригадир посмотрел в его сторону, подал знак закругляться.

Бригадир словно и ожидал этого: зачитал несколько цифр и без закругления сел.

И тогда сразу поднялся Якуб Дробняк. Молодой, со свежим чистым лицом, он, пока молчал и оглядывал всех смелым взглядом, привлекал внимание собравшихся, особенно девчат и молодых женщин. А как начал говорить, внимание это сразу ослабло. Голос у него был слишком тонким и не совсем чистым, фразы получались далеко не гладкими, да еще с заминками, будто пережеванные.

- Если говорить, так это, без выкрутасов, - начал инструктор, - то надо сказать... - Тут он глянул в сторону шахматистов и на какое-то мгновение остановился: хлопцы потихоньку продолжали партию и не только не видели, что уполномоченный встал, но и совсем не слушали его. "Бездельники", - с возмущением подумал инструктор и продолжал более энергично: - Надо сказать, что в чем тут главный корень зла? Ясно, что главный корень тут в полном развале трудовой дисциплины! Страшная лень разъедает бригаду, и это видно на каждом шагу. Не надо далеко ходить: вот здесь в конце улицы... В чьем это дворе крыша ободрана?

- В моем! - послышалось где-то у двери. - А что?

- Ага, в вашем? - Дробняк по голосу узнал, что это та самая женщина, которая так бойко здесь разговаривала, но чтобы еще больше убедиться, наклонился над столом, вытянул шею. - В вашем, значит? Так чего же вы там прячетесь за чужими спинами? Давайте сюда, ближе к столу, к свету!

- Могу и к свету, - сказала женщина и бойко двинулась к столу. Женщины расступились и дали ей дорогу.

- Ну, вот мы и поговорим, так это, конкретно. Как ваша фамилия?

- Гич, Марья Гич.

- Хорошо, товарищ Гич. Так что ж вы, давно живете под такой дырявой крышей?

- Давно. Только это не я, а моя корова. У меня хлев дырявый.

- Так. Ну, пусть себе хлев. Ясно. Так что ж вы до сего времени не могли накрыть его?

- Не могла, потому что не было соломы!

- Так, соломы. - Инструктор иронически усмехнулся, глянул на бригадира, а потом обвел глазами присутствующих. Никто не ответил на его усмешку, но это не остановило оратора. - Соломы, значит, у вас нет. А знаете, дорогая моя, что если так работать, как вы работаете, так не только соломы, но и хлеба не будет. Кто не работает, тот не ест. Слышали об этом?

- А откуда вы, дорогой мой, - женщина шагнула еще ближе к столу, откуда вы знаете, как я работаю? А?

- А я уже все вижу, - уверенно заявил инструктор. - Тут долго не надо смотреть, все ясно и так, как на ладони. Лентяйка вы неимоверная, вот в чем корень! И ясно мне, что не одна вы тут такая! - Дробняк опять бросил взгляд на шахматистов. - Ну вот спросим, например, - продолжал он, - сколько у вас теперь трудодней?

- А что мне трудодни! - с возмущением проговорила женщина. - Спросите о них в нашем правлении!

- Ну, ясно! И сказать стыдно! Так я вам заявляю здесь совсем конкретно и авторитетно, что если вы и впредь именно так будете работать, то не только не получите хлеба, ну, и, скажем, какой-нибудь соломы и другого, но и усадьбу вашу обрежут! Обрежут по самую...

- Там видно будет! - громко сказала Марья. - А пока что вижу, что нам с вами не о чем говорить и напрасно мы пришли на собрание! Идем, женщины! Пусть товарищ оближет молоко на губах да немного присмотрится к людям, тогда и приезжает к нам. Пошли!

Она резко повернулась и зашагала к дверям. Несколько женщин вышло за нею в ту же минуту, а остальные удивленно зашевелились, заговорили и тоже постепенно начали расходиться. Дробняк возвышался над столом с растерянным, вытянутым лицом и не знал, что делать, о чем дальше говорить. Пока он опомнился, в конторе остались только бригадир, несколько мужчин и хлопцы-шахматисты. Последние даже приостановили игру.

Наконец, с возмущением и злостью, инструктор набросился на бригадира:

- Что это такое, что за саботаж?!

- Тут, короче говоря, немножко не с той стороны вышло, - хмуро и, видимо, с болью в душе ответил бригадир.

- Как это не с той? Что? Не понимаю!

- А тут и понимать нечего. Марья Гич самая лучшая у нас колхозница. Вдова, четверо детей, муж погиб на фронте. Она ежедневно ходит на работу и даже детей посылает.

Инструктор побледнел, потом густо покраснел. Он начинал уже понимать всю глубину своей ошибки, но обостренное самолюбие не позволяло сразу сдаться. Выйдя из-за стола, он спросил:

- Ну, а как же это?.. Вот даже соломы и то у нее нет. Там еще чего... И работает и нет? Совсем нет?

- Да, - подтвердил бригадир. - И работает и нет! У нас, короче говоря, пока что немало таких. Теперь, правда, немного лучше жить стали... Ведь у нас восемь председателей сменилось за

последние два-три года. Привезут, как кота в мешке, расхвалят, изберем. Рассмотрим потом - пьяница, болтун. Снимем. Тогда опять привезут... Порядка никакого не было...

Вот и вини тут Марью...

* * *

Ночевать Якуб Дробняк остался у бригадира. Много они говорили. Но еще больше инструктор думал и переживал в одиночестве, окутанный теплым домашним уютом. Он лежал у окна, на приготовленной хозяйкою постели. Под боком был добротный тюфяк, под головой - подушка. А Дробняку казалось, что лежать ему твердо и неудобно, что хозяйка плохо стлала ему постель, потому что она тоже была на собрании и видела, как он оскандалился. Вспоминались все собрания, какие только приходилось ему проводить. И казалось, что еще никогда не было такого случая, как сегодня. Собиралась обычно молодежь, говорили о художественной самодеятельности, о торфоперегнойных горшочках, и всегда все шло гладко: пели песни после собрания или танцевали под баян. А тут совсем, совсем не то...

Трудно было представить, как пройдет эта ночь. Если бы вдруг наступило утро, Дробняку было бы легче на душе. Он встал бы и пошел осматривать бригаду. Сделал бы, чего не сделал вчера. Пошел бы по домам колхозников. Ничего, что посреди улицы лужа! Все-таки улица в Грибковской бригаде довольно красивая. Зашел бы в дом к Марье, посмотрел бы, как живет, познакомился бы с ее детьми. И если бы позволила, отложил бы все дела и охотно полез бы на крышу ее сарая. Пусть бы только подавала солому...

А потом в правление, затем в МТС, в райком партии! Нет, не лентяи, не лежебоки в Грибковской бригаде! Даже шахматисты и те, наверное, не лентяи. Главное, выходит, не в этом. Надо скорее думать, скорее решать, как поставить бригаду на ноги, как и чем ей помочь.

А Марья? Большое спасибо Марье!

И до самого рассвета Якуб Дробняк не уснул.

1955